

ЛЮДМИЛА ЗАКАЛЮЖНАЯ

НАСЛЕДНИЦА ПЛАМЕНИ

Людмила Закалюжная

Наследница пламени

«Автор»

2026

Закалюжная Л.

Наследница пламени / Л. Закалюжная — «Автор», 2026

Тот, кого я любила, приговорил меня к смерти за преступление, которого я не совершала. Но древний артефакт вернул меня в прошлое, когда заговор еще зрел в тени, а враги казались друзьями. У меня есть только одна попытка: спасти отца, восстановить честь семьи, разоблачить предателей. И свести счеты с тем, кому когда-то верила. Теперь я иду дорогой мести. Главное - не сбиться с пути!

© Закалюжная Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Людмила Закалюжная

Наследница пламени

Глава

Глава 1

Путешествие в усадьбу изменило меня. Сделало сильнее, увереннее, что ли. Знания, которые я получила, подарили ответы на многие вопросы. Вернулась я в городок Веретьево другим человеком. И теперь в наемном экипаже ехала не восемнадцатилетняя легкомысленная девушка, не вернувшаяся из прошлого жертва предательства, а уверенная в себе дочь талантливого мастера Алиса Арсеньевна Горская. Я щелкнула пальцами, и их охватило небольшое пламя. «Сердце Феникса» приятно опалило жаром грудь, откликаясь на мою огненную магию. Как много я знала сейчас и как... мало.

Экипаж дернулся, остановился, и кучер крикнул хриплым голосом:

—Приехали, госпожа!

Воронцов сдержал слово и утром прислал двоих бывших военных. Отец о чем-то долго беседовал с ними в кабинете, потом позвал слугу Михаила, который присматривал за домом и за работой артефактов, и уже после пригласили меня.

—Моя дочь, Алиса Арсеньевна, — представил папа двоим суровым на взгляд господам. Обоим было за тридцать, высокие, с широкими плечами, они производили сильное впечатление. К таким не каждый подойдет выяснять отношения.

—Господин Журин, — коротко, по-военному, кивнул черноволосый с небольшим шрамом над правой бровью.

—Господин Боярышников, — произнес лысый охранник, и легкая улыбка коснулась его тонких губ.

Если честно, мне было немного неловко, что теперь я буду передвигаться со стражами, словно какая-то важная столичная персона. Да и привлекать внимание не хотелось. Веретьево — небольшой городок, еще пойдут пересуды за чайными столиками. И раньше всех понесет новость Лиза Краснова, первая сплетница. Тут бы лучше залечь на дно, а не быть в центре внимания. Но папеньку было не переубедить.

—Сейчас я уезжаю вместе с Григорием Львовичем в Мироград, искать новых поставщиков. И хочу быть уверенным, что ты под защитой, — тревогу в глазах отец не скрывал. — Будь осторожна, Алиса.

«Эх, охрана нужна не только мне, но и отцу, зря он не взял хотя бы одного с собой», — с горькой нежностью подумала я.

Папа сильнее сжал мои плечи, затем поцеловал в лоб и покинул дом вместе с Юркой. Я молча молилась, чтобы артефакт — рубин в золотой оправе, переданный отцу Лебедевым — защитил его в дороге. В столице у отца были друзья, отставной генерал Борисов и другие влиятельные господа. Я надеялась, что они ему помогут.

Я с улыбкой подула на кончики пальцев, и, когда огонек потух, вышла из кареты, тут же ощутив, как взгляд невидимого преследователя впился в мою спину. Неосознанно дернула плечом, словно хотела скинуть эту проклятую липучку. Кто следил за мной? Братство или «Черный Феникс»? Сколько же врагов у моей семьи. Невольно посмотрела по сторонам... Напротив, у кондитерской Лариных, суетился рассыльный; из подворотни вышла старушка с коромыслом. Одинокое прохожие спешили на работу, да молочник проехал на телеге. И все. Возможно, я накручиваю себя и никому нет дела до дочери купца Горского.

Вздыхнув, я подумала о том, что мне просто необходимо проникнуть в столичные архивы. Там я наверняка найду записи о других семействах магов или... Хотя что-нибудь узнаю для борьбы с врагами. Как вовремя Воронцов предложил союз. Я еще больше уверилась, что поступила правильно, когда согласилась, несмотря на сложные отношения с князем. Противоречия разрывали мою грудь, я пока не знала, как к нему относиться. Так долго Воронцов был для меня врагом, что видеть в нем союзника оказалось... сложно.

Кучер остался ждать, мои охранники молча последовали за мной к двери храма, который возвышался в конце главной улицы. Ровные стены здания были сложены из красного кирпича. В арочные проемы поместили тонкие пластины из молочно-белого алебастра, за которыми лился медового оттенка свет артефактов. Церковь пользовалась магией бесплатно. Склонив голову, я толкнула дверь и вошла внутрь, с каким-то блаженством прикрыв на мгновение глаза. Здесь всегда пахло одинаково — воском свечей и ладаном.

В погожий день центр храма купался в солнечных лучах, а сегодня, когда на небе зависли тяжелые сизые тучи, готовые разразиться дождем, здесь царил полумрак. Тишину нарушали звук моих шагов, шелест подола шерстяного платья, да шепот посетителей. Их оказалось немного — бабушка истово молилась у иконы матери Творца, да две женщины замерли в центре. Одна из них опустилась на колени, сложив руки в просящем жесте.

Я остановилась рядом, взглянув на икону с Творцом. Он в белых одеждах поднял руки, словно приветствовал каждого входящего в храм. Как гордые сторожа, по обе стороны от иконы в железных подсвечниках стояли толстые длинные свечи. Сейчас они не горели, их зажигали лишь по великим церковным праздникам, и когда наш маленький городок навещал архиерей. Зато паникадило оказалось заполнено тонкими свечами.

Люди обращались к Творцу с мольбой или благодарностью, а когда-то в храмах служили хранители огня. Они поддерживали связь между миром людей и Творцом через пламя. Зажечь свечу — значит усилить божественное присутствие в мире, обеспечить благодать, защиту и магическую стабильность.

Братство Пепла и Орден Черного Феникса преследуют одни цели — сохранить власть и уничтожить магов огня. Мои враги скорее всего догадываются, кто я. Поэтому всеми силами пытаются уничтожить род Каравелла. Опасные противники. Что им может противостоять купеческая дочь, у которой из защиты только сила... Ах, да еще двое охранников, которые следовали за мной по пятам, а сейчас остались у входа.

Я подошла ближе к паникадилу, поднесла руку к одной из свечей, и ее пламя, и пламя других свечей потянулись к моей ладони. Внутри зарождалось прекрасное чувство восторга. Я слегка пошевелила пальцами, и огоньки послушно задрожали. Неожиданно грянул гром, его раскат прокатился по небу. А я прикрыла глаза, ощущая неземную благодать. Легкий ветерок коснулся лба, будто Творец благословил.

«Ты только помоги мне ... Немного. Я справлюсь. Я знаю. Прошу, поддержи, когда мне будет особенно трудно».

Ливень обрушился на стеклянный небосвод храма. Был ли это ответ Творца? И что он значил? От мыслей отвлек шорох за спиной, и я медленно повернулась.

— Батюшка Мефодий, — и тут же склонилась перед пожилым человеком с длинной седой бородой в черной сутане. Поцеловала протянутую морщинистую руку.

Нет более доброго человека на свете, чем отец Мефодий. Прихожане к нему тянутся, идут за советом, идут очистить душу.

— Алиса, — голос у настоятеля храма низкий и глубокий. Голубые глаза настолько полны доброты, что мне захотелось прижаться к батюшке, поведать ему обо всем, что со мной произошло. И я рассказала... не все.

Про возвращение в прошлое я промолчала, про инокка Ираклия тоже, и про секреты Каравелла. Я поделилась страхами за отца, навязчивым вниманием князя. Не выдержала и пове-

дала о мамином дневнике, о ее последних записях. Как было мне тяжело читать и как я жадно листала, чтобы узнать ее ближе.

Поток слов вырвался вместе со слезами, которые здесь в этом тихом месте было отрадно проливать. И батюшка Мефодий прижал к себе, ласково глядя по спине.

—Принеси чаю, — велел он послушнику, а сам продолжал меня утешать.

Мы сидели в его кабинете, уставленном книгами в потертых переплетах, молча слушая шум дождя. Я выговорила — и стало легче. Немного. Пусть... Теперь я стала неторопливо рассуждать про себя: мысленно рассуждать: «Сегодня двадцать шестое октября. Через две недели папа должен получить письмо от Ордена. Двенадцатого ноября Воронцов сделает мне предложение, только... теперь я не уверена, что он предложит мне замужество. Не в таких близких отношениях мы с ним сейчас, как тогда. Пятнадцатого ноября случится пожар в мастерской... Но я начала менять прошлое, а это значит, что даты могут сдвинуться. Эх, охрана нужна не мне, а отцу, зря он не взял их с собой».

—Алиса, — отвлек от напряженных дум батюшка Мефодий. — Наш Творец очень мудр. Он посылает нам испытания не просто так, а чтобы мы стали сильнее. Вот и ты... стала другой. В тебе всегда был внутренний стержень, теперь он виден каждому.

Я вскинула голову, внимательно вглядываясь в доброе, изборожденное морщинами лицо батюшки.

—Сильно изменилась?

Он кивнул.

—Для тех, кто знал тебя, хорошо заметно.

Значит, и они заметили.

—Как же все объяснить? Я не хочу никому рассказывать про усадьбу и мамин дневник, — возможно, настоятель храма подскажет. Я очень надеялась.

—А ты говори, что заказ императора для отца заставил тебя повзрослеть, — подкинул идею батюшка Мефодий. — Как дочь, ты понимаешь всю ответственность перед Его Императорским Величеством и хочешь помочь отцу. Поэтому взяла на себя все канцелярские дела, которые требуют ежедневного присутствия в мастерской.

Я снова обняла настоятеля. Улыбку даже не прятала. Слезы окончательно высохли.

—Ну вот, я снова вижу перед собой прежнюю Алису, — произнес батюшка Мефодий, пододвигая мне чашку с терпким травяным ароматом. — Улыбка притягивает свет. Не забывай.

Разговор с настоятелем помог мне хоть немного сбросить груз, который давил на грудь. Я ощутила легкость в душе, именно за этим я и пришла в храм. А теперь пора было отправляться в мастерскую отца.

Параша наводила порядок в комнате барышни, механически переставляя флаконы на туалетном столике и смахивая невидимую пыль с резной спинки кровати. На душе у нее было так же беспокойно, как сейчас за окном — гремел гром, предвестник дождя. Руки Парашы все еще тряслись после вчерашнего разговора с Юркой. Ему девушка смогла открыться... почти.

Ни тетке Дарье, ни Михаилу Параша не смогла рассказать про Ванечку. Может, потому что поварихе не особо доверяла, та легко могла сболтнуть лишнее хозяевам. Михаила — побаивалась. А вот Юрка и по возрасту был ближе, и понять мог терзания Парашы. К тому же девушка замечала, какие взгляды бросал на нее молодой кучер. Нравилась она Юрке, да и он ей. Вот только боялась Параша его ближе к себе подпустить. А тут... Мочи молчать больше не было, тем более когда вчера поздно вечером Юрка увел девушку в конюшню, в укромный уголок, пахнувший теплым сеном, и осторожно начал расспрашивать.

Параша залилась слезами, да такими горячими, что напугала Юрку. Он так и застыл, пока она всхлипывала и давилась словами, цепляясь за него, как за соломинку, разводя мок-

роту на его холщовой рубаше. Выдала все, и про «молочника», и про поездку в приют, и про Ванечку. Только о том, что рассказала о кулоне барышни... промолчала. Совесть до сих пор жгла Парашу как раскаленная кочерга. Она места себе не находила, даже в глаза Алисы Арсеньевны смотреть не могла. А когда увидела в отражении зеркала пристальный взгляд барышни, так и вовсе испугалась, что хозяйка обо всем прознала. Расческа выпала из ослабевших пальцев...

—Значит, так, — Юрка слегка тряхнул Парашу. — Вернусь из столицы и разберусь с этим «молочником». Мне его рожа сразу не понравилась. А до тех пор держи язык за зубами. Мамке моей не вздумай ничего говорить, а то она этого «молочника» так встретит... только хуже сделает.

—Хорошо, — покорно согласилась Параша. Она сейчас на все была согласна. Сил с кем-то спорить просто не осталось.

—Ваньке твоему, не думаю, что что-то сделали. Жив пацан, даже не сомневайся, — твердо произнес кучер, и в его взгляде была такая уверенность, что Параша невольно согласилась. — Мы его найдем. Обязательно. Ты только «молочника» теперь с крючка не сними.

—А что мне ему говорить? — дрожащим голосом спросила Параша. — Мерзавец всю неделю выпрашивал у девушки подробности про кулон, и она уже сотню раз пожалела, что рассказала о камне. Тревожно было за барышню и совестно. Как же совестно...

—Не реви, — Юрка сунул служанке потертый, но чистый платок. — Про поездку расскажи, что хозяин в Мироград поехал по делам. Это не секрет и «молочнику» новость. Про Алису Арсеньевну, что она теперь в мастерскую будет ездить, чтобы отцу помочь, и охрану ей приставили, так как Арсений Петрович за дочку переживает. Она у него одна. Хозяин и раньше трясся над ней, потом вроде успокоился, а теперь... вот снова началось после поездки в усадьбу, где погибла мать барышни. Поняла?

Юрка снова тряхнул Парашу, а его грубые пальцы вцепились в плечи девушки сильно, до боли. Но она почти ее не чувствовала.

—Поняла, — вытирая слезы, прошептала служанка. Робкая надежда медленно расцветала в душе Параша, как крохотный стебелек, который только проклюнулся из-под земли и тянулся к солнышку. Так и девушка, затаив дыхание, доверчиво положила ладонь на грудь Юрки, ощутив под тканью спокойное биение сердца. Прикрыла глаза, когда сухие жесткие губы кучера коснулись ее влажных век, а потом и губ... коротко и несмело.

Глава 2

Архиерей Валериан глубоко погрузился в чтение фолианта в своем аскетично обставленном кабинете. Внутри было тепло, сухо и светло, а за окном бушевала непогода. Свинцовые тучи, низко нависшие над шпилями собора, разрывались ослепительными вспышками молний, и тотчас же за этим следовал оглушительный раскат грома. Капли дождя ударяли в стекло, напоминая барабанную дробь. Но ничто не могло отвлечь Его преосвященство от древней книги.

Сколько он их прочитал в поисках способов борьбы с магами огня, узнавая их секреты и слабости. Тонкие пальцы архиерея, привыкшие к четкам, скользили по шершавой бумаге, где застыли строки о Пламени Гордыни, записанные иноком Пименом со слов старца-затворника много лет назад:

«Да будет ведомо, что не всегда мир лежал в тиши магического угасания. Была эпоха, когда благодать Творца лилась на землю явно, как солнечный свет, а проводниками ее были избранные — Хранители Огня, жрецы высшего призвания. Они возжигали не просто свечи в храмах, их еще называли — Свечи Присутствия. Каждое пламя, рожденное их даром, было живой нитью, связующей наш мир с Творцом.

Через огонь струилась благодать на землю: богатые урожаи, здоровые дети, темные чары рассеивались как дым, а сама магия была частью природного порядка, как воздух или вода.

Тяжела была доля хранителя, ибо их душа должна была гореть ровно и смиренно перед ликом Творца. Они отрекались от мира, от страстей, от личной воли, дабы быть совершенными проводниками. И честь их была величайшей в империи, ибо они питали сам корень бытия.

Но увы, сердце человеческое склонно к порче. И нашелся среди хранителей один, чье имя стерто из памяти народа. Но, хотя имя его забыто, грех его жив. Взглянул он на Вечное Пламя, которое должен был поддерживать, и возжелал его для себя. «Почему, — вскричала в нем гордыня, — я должен быть лишь слугой, лишь тенью? Почему это могущество не станет моим?» И отвернулся он от Творца и пожелал стать творцом сам.

Он не просто украл огонь. Он извратил саму его природу. Из связующей нити он выпрял бич, из молитвы — проклятье. И призвал он не благодать, а всепожирающую ярость, что отрицает саму жизнь. И прозвали сие чудище «Пламя Гордыни».

Оно пало на столицу не как огонь с небес, а как безумие, прорвавшееся из самых основ мира. Камни плавилась, реки вскипали, воздух горел в легких. Не щадило оно никого и ничего — ни грешных, ни праведных. А когда ярость его утолилась, на месте цветущих кварталов осталось лишь выжженное, молчаливое пространство. Земля, обращенная в черное стекло. Место, где не пели птицы, не росла трава, а ветер затихал, будто боясь нашептать что-либо этому безмолвию. И назвали его «Молчаливой Пустошью» — вечный памятник греху одного и гибели тысяч.

Ужас объял империю. Император, в гневе и страхе, издал указ: «Искоренить!». Не только ослабевшего виновника, которого нашли среди пепла, но и сам род, саму память о хранителях. Храмы опустели. Свечи Присутствия погасли навсегда. А с ними оборвалась и та самая живая нить, что питала мир.

И тогда божественная магия стала уходить из мира. Не сразу, а как вода из треснувшего кувшина. Остались лишь ее слабые искры в древних камнях, позднее названных артефактами.

Поняла тогда знать, сильные мира сего, что новой магии не будет. И устремились они, как стервятники, к остывающим останкам чуда. В хитросплетениях интриг, браках по расчету и откровенных грабежах они прибирали к рукам эти осколки ушедшей эпохи.

Так и живет империя с тех пор: в тишине, где когда-то звучала благодать; среди теней, где когда-то лился свет; с мертвыми чудесами, закованными в камень. Церковь стала слугой Творца, чтобы сохранить порядок в мире, направить людей к истине, и чтобы «Пламя Гордыни» больше никогда не вспыхнуло.»

Архиерей откинулся на спинку кресла, и его взгляд, холодный и пронзительный, уперся в медного феникса в нише. Ересь не была уничтожена. Она уснула, превратившись в тлеющий уголек под пеплом забвения. И разворошить этот пепел угрожала Алиса Горская.

Валериан провел рукой по лицу, словно хотел стереть воспоминания, которые настырно лезли в голову. Он снова мысленно видел светловолосую молодую женщину, просившую Валериана, тогда еще инока, помочь ее семье Каравелла. Не выдавать их тайну. Годовалый мальчонка жался к матери, а в глазах его горел беспокойный огонь. Никогда прежде ни к одной женщине архиерей не пылал страстью, а к Софье... Едва взглянул в зеленые глаза, испугался. Сам себя. И горячо поклялся хранить ее тайну. После, вернувшись из усадьбы «Каменная Роза» в Архиерейский дом, Валериан отчитался перед прежним архиереем: «Каравелла не принадлежит к роду огненных магов. Никаких доказательств не нашел».

А после молил Творца о прощении, закрылся от мира, дав обет безмолвия на пять долгих лет, чтобы навсегда изгнать образ Софьи Каравелла. Получилось. Годы дисциплины, молитв

и погружения в древние фолианты сделали свое дело. Та страсть, что он когда-то принял за личное чувство, переплавилась в холодную, безжалостную убежденность. Любая Искра, даже в руках невинного ребенка, стала для него угрозой, равной самому Пламени Гордыни. Бывший инок, дрожавший от одного взгляда зеленых глаз, умер. Окончательно возобладал архиерей.

И позже, когда эта женщина, через два десятка лет, молила пощадить ее мальчика, который понесся в столицу... Его преосвященство отказал. Валериан смотрел на отчаявшуюся Софью Яковлевну, она больше не походила на ангела. Волосы потеряли сияние, под глазами залегли тени и морщины, кожа стала тонкой, сухой, а опущенные уголки полных губ искажали скорбью когда-то красивое лицо.

Архиерей без всяких сожалений велел инок Агафону убить Марка Каравелла, пока он не прознал Орден Черного Феникса, за Еленой приказал наблюдать... Пока. Валериан уже знал, как погасить пробудившуюся Искру, не вызвав при этом нового Пожара.

Пальцы Его преосвященства сомкнулись на черных четках и начали медленно их перебирать, успокаивая бушующие мысли. Валериан надеялся, что скоро получит весточку от инока Ираклия. Купец Горский с его изобретениями мало волновал архиерея, а вот девица Алиса... Дверь скрипнула, и, согнувшись в поклоне, вошел старик в рясе. В дрожащих руках он держал конверт и застыл, ожидая, когда Его преосвященство разрешит приблизиться.

— Положи на стол, — произнес Валериан.

Он дождался, пока старик вышел, некоторое время еще смотрел на письмо, на невзрачный листок бумаги, скрепленный сургучной алой печатью, прежде чем достал записку. От Ираклия.

Ни один мускул не дрогнул на лице архиерея, пока он читал. У Горской инок магию не обнаружил, лично проверил... свечой. Осмотрел подвал дома в усадьбе. Тоже ничего. Наблюдение будет продолжать.

Его преосвященство поднялся, бросил письмо в горящий камин. Бумага мгновенно вспыхнула, свернувшись черным листом и обратилась в пепел, унесенный вверх по жерлу тягой. «Видимо, у девицы сила слабая, разбавленная, поэтому до сих пор дремлет», — думал Валериан, глядя в закрытое окно. Ливень затихал, а на небе появился просвет. Узкая полоска чистой лазури, обещающая ясность. «Хороший знак. Творец одобряет мое решение».

И снова четки заскользили между пальцами Валериана, а он задумчиво смотрел в нишу, где стояла небольшая медная кадильница на трех ножках. Ее холодный блеск в этот миг казался обманчиво безжизненным, тая в себе память о том самом, истинном Огне.

Григорий Львович с беспокойством смотрел на старого друга. Арсений с такой силой сжимал челюсти, что желваки ходили ходуном. Юрка вез их под мелким противным дождем от Проспекта Двух Лун дальше по улице, на которую они свернули. Все оказалось напрасно. Купцы один за другим отказывали Горскому, отводя глаза. Ответы были разные: «Много заказов». «Больше не возим этот товар». «На складе есть, но уже выкуплен другим покупателем».

— Краснов отказал, — мрачно проговорил Арсений.

И Григорий Львович вспомнил, как читал ответ от купца Краснова. Вежливый, сочувствующий, но категоричный отказ.

— Потапов и братья Щербаковы тоже внезапно отказались, — старый друг взглянул на Григория Львовича. — С Фроловым мы разорвали контракт, а он утром прислал предложение, но с условием... заказывать только у него, иначе штраф. Каков подлец!

Арсений в сердцах хлопнул по колену.

— Не думал я, что когда-нибудь придется прибегать к таким мерам, — мастер полез в нагрудный карман и достал визитную карточку. Он передал ее Григорию Львовичу.

— Иван Павлович Копытов, — прочитал вслух Сахаров и тут же вспомнил подпольного торговца. Он как-то предлагал Арсению «любые минералы, сплавы, что угодно, без лишних

документов и вопросов». — Ты что, Арсений! Это же нарушение закона! Ты понимаешь, что мы можем попасться агентам тайной полиции? А контрабандисты...

— Что предлагаешь делать? Вернуться ни с чем и пойти на поклон к мерзавцу Фролову? — рявкнул мастер.

Григорий Львович впервые видел друга в таком гневе и попытался его успокоить, воззвав к голосу разума.

— Давай успокоимся и хорошо все обдумаем. Если столичные не хотят с нами работать, поедем в другой город. У нас Россия-матушка — большая империя, и купцов полно, поди, найдем кого-нибудь.

— Я хочу быстрее вернуться в Веретьево, — тихо произнес Арсений. И какой же тоской наполнился его взгляд, в котором промелькнули тени страха и отчаяния, когда он прошептал: — Кровь Елены оказалась сильнее.

— И ты еще сомневался? — после некоторого молчания спросил Сахаров.

Как же ему хотелось рассказать другу про Марка, но тот попросил сохранить его тайну. «Много врагов крутится вокруг племянницы. Если я себя обнаружу, то они все уйдут в подполье. Могу сказать тебе только одно — ни княгине Орловой, ни Лебедеву не доверяйте. Они сделают все, чтобы Арсений не создал замену артефактам».

— Надеялся... — вздохнул Арсений.

В карете наступила тишина. Каждый думал о своем, а на улице бушевал ливень. Крупные капли били по крыше, ударяли в окно.

Такая же буря происходила в душе друга. Григорий Львович с тревогой смотрел на Горского. Он понимал его беспокойство, сам теперь переживал за Алису. Девочка выросла на его глазах, а ее мама, Елена Каравелла, навсегда осталась в сердце Сахарова... Он и не женился, поэтому и к Арсению пошел работать, чтобы быть ближе к Елене. Понимал, что неровня он ей и Петр Лукич никогда бы не отдал дочь за простого мастера, у которого и мастерской-то не было. Дома чинил все артефакты и другие изделия, которые люди приносили. Чинил хорошо, и Арсений не мог нарадоваться, а Григорий Львович был счастлив, что видит и разговаривает с Еленой каждый день.

— Поужинать нам надо, Арсений. Целый день мотаемся в карете, то в дороге, а теперь по Миргороду, — предложил Сахаров. Он выглянул в окно, стараясь определиться, где они едут. Так, еще пару улиц и они окажутся у постоянного двора. Григорий Львович приоткрыл окно и крикнул Юрке: — Смотри слева название «Трактир Ветра».

— Сделаю, — ответил Юрка.

Сахаров заметил, что обычно веселый кучер, даже в непогоду всегда шутивший, был мрачнее тучи. А когда Григорий Львович поинтересовался у парня, может, что случилось и чем помочь, тот ответил вроде шутливо:

— Не нравятся мне эти тучи, Григорий Львович, чую, достанется мне в дороге, — и подмигнул, прежде чем забрался в козлы, а вот глаза остались серьезными. Затем бросил быстрый взгляд в сторону дома, и Сахаров заметил движение шторы в окне...

— Хороший постоянный двор, — произнес Арсений. — Я и забыл о нем, попросим хозяйина, чтобы сына отправил к отставному генералу Борисову с запиской. Что-то я совсем руки опустил, Гриша. Поборемся еще. И Фролову, и всем, кто вставляет мне палки в колеса, покажем, где раки зимуют.

— Вот такой настрой мне нравится, — Григорий Львович хлопнул друга по плечу. — Если с Борисовым не получится, то к другим твоим влиятельным знакомым пойдем. Сколько ты их выручал. Пора и им ответ дать.

Сахаров глубоко вздохнул, удовлетворенно заметив, что друг немного расслабился, больше не сжимает напряженно губы.

Вскоре Юрка остановился у постоянного двора, и мастера вышли под дождь, невольно склонив головы. Среди более простой застройки улицы трактир выделялся. Стены между широкими пилястрами были окрашены в теплый охристый цвет, а на уровне третьего и четвертого этажей располагался изящный лепной декор — гирлянды и маски, поблекшие от времени, но не утратившие изящества. Над входом висела яркая вывеска «Трактир Ветра».

Юрка, накрывшись попоной, повел карету во двор, а они с Арсением, понурившись от дождя и усталости, шагнули под гостеприимный навес парадного входа. Массивная дубовая дверь с латунной ручкой в виде львиной головы отворилась, выпустив наружу волну тепла, смешанного с ароматами жареного мяса, свежего хлеба и дорогого табака.

Внутри их встретил не шум, а солидный, приглушенный гул под тихий звук работающих артефактов. Высокие потолки с лепными розетками, темное дерево панелей, сверкающая бронза бра и люстр — здесь все дышало достатком. За стойкой, отполированной до зеркального блеска, стоял метрдотель — мужчина лет пятидесяти, в безупречном черном сюртуке, с седыми бакенбардами и невозмутимым лицом, на котором читалась готовность решить любую просьбу почтенного гостя. На стенах в золоченых рамах висели гравюры с видами Мирограда и реки Странницы.

— Добро пожаловать, господа. Требуются ли номера? — спросил приказчик ровным, учтивым голосом, оценивая их хоть и беглым, но опытным взглядом.

— Три номера на ночь, один для моего кучера, — кивнул Горский, сбрасывая плащ на подхватившие его руки швейцара. — И горячий ужин для всех. Что есть?

Пока Арсений обговаривал с приказчиком детали, Григорий Львович оглядывал зал. За столиками у окон, затянутых тяжелым плюшем, сидели люди разного звания, но все явно с достатком: купцы в бархатных поддевках обсуждали что-то над бумагами, пара военных в мундирах с золотым шитьем негромко беседовала над бокалами вина, в углу, отгородившись газетой, устроился человек в очках, похожий на иностранного ученого.

Номера им отвели на втором этаже, комфортабельные, с высокими кроватями под балдахинами и мраморными умывальниками. Устроившись, они спустились в обеденный зал, где уже ждал столик в дальнем углу, накрытый белоснежной скатертью. Арсений попросил у приказчика позвать мальчишку-посыльного. Пока им приносили закуски — селедку с луком, соленые грузди, ветчину, — мастер набросал карандашом несколько строк на листке походной записной книжки, запечатал в конверт и, вручая его остроглазому подростку в ливрее трактира, дал четкие указания и серебряный полтинник:

— Отвези на Княжеский проспект, в дом номер одиннадцать, генералу Борисову. Лично в руки. Жди ответа.

Мальчишка, ловко сунув монету за пазуху, юркнул в сторону служебного выхода, а они наконец приступили к ужину.

Прошло полчаса, Арсений ел рассеянно, прислушиваясь, кажется, не к гулкому говору зала, а к чему-то внутри себя. Григорий Львович же, разрезая сочный бифштекс с луком и картофелем, невольно думал о том, куда им завтра двинуться... Внезапно дверь со стороны улицы распахнулась, впуская порыв сырого ветра и двух новых посетителей.

Григорий Львович взглянул и замер с вилкой в руке. Арсений, следивший за выражением его лица, медленно повернул голову в сторону двери.

Там стояли князь Воронцов и граф Чернышов. Молодые люди не сбрасывали плащи, лишь стряхнули с полей цилиндров капли дождя. Невозмутимый приказчик согнулся в почтительном полупоклоне. Князь быстрым взглядом окинул зал, не заметив знакомых мастеров из Веретьево. Они с Арсением быстро отвернулись.

— Не нравится он мне, — буркнул Горский. — И с Алисой сблизился.

— Разве это плохо, — тихо возразил Григорий Львович. — Княгиню никто обидеть не посмеет, это не дочь купца.

Арсений даже жевать перестал.

— Пожалуй, ты прав, я как-то про это и не подумал. Думаешь, стоит поприветствовать Воронцова? — Арсений поднял голову, но господа не стали проходить вглубь, а после быстрого разговора с приказчиком двинулись к лестнице, ведущей наверх.

Они скрылись на втором этаже, но не в той его части, где были номера Григория с Арсением, а в противоположном, более приватном крыле. Насколько знал Григорий Львович, там располагались небольшие кабинеты для особых встреч — места, где за плотными дубовыми дверями решались судьбы контрактов без лишних свидетелей.

Старые друзья переглянулись и молча продолжили ужинать. То, что происходило сейчас наверху, их мало касалось. По крайней мере, они на это очень надеялись.

Глава 3

— Приказчик сказал, что девица Фролова и ее спутник еще не прибыли. Уверен, они придут раньше назначенного времени, — Александр взглянул на друга. — Так что долго ждать не придется.

Князь кивнул, его пронизательный взгляд скользнул по темному дубовому потолку, красной ковровой дорожке и резным дверям. Второй этаж оказался пуст, и все же обстановка настоявалась. За ними тоже могли наблюдать прямо сейчас. Воронцов сделал вид, что направляется к уборной, расположенной в конце коридора. Он миновал ее, свернул за угол и замер в тени глубокой ниши, где когда-то, судя по всему, стояла статуя. Никого. Отсюда отлично был виден и вход в приватные кабинеты. Хорошее место для слежки.

Чернышов открыл ключом дверь, на которой висела позолоченная табличка с цифрой «пять», и скрылся за ней. Максим немного подождал и бесшумно двинулся вдоль стены к другой комнате.

Воронцов не раз бывал на постоялом дворе по делам сыска. Приказчик отлично его знал и с готовностью передал ему ключ от соседней комнаты. Кабинеты с номерами «пять» и «шесть» имели общую стену, и в шестом было потайное крошечное место — пережиток старых времен, когда владельцы трактира промышляли шантажом. Они с Чернышовым поэтому и выбрали «Трактир Ветра», чтобы князь мог незаметно рассмотреть представителя Ордена и послушать его разговор с графом. Князь вошел в номер и запер за собой дверь.

Кабинет был пуст и погружен в полумрак. Им редко пользовались, даже камин никто не топил. Тепло сохранялось за счет артефактов. Видимо, мало кто знал, что в этой небольшой комнате есть секрет. Даже в сыске не все. Максиму ее показал один сыщик, тоже обедневший дворянин, когда они вместе ловили мошенника по ценным бумагам. Князь не стал зажигать свет. Его глаза быстро привыкли. В тускловатом сумраке он различил очертания мебели, покрытой чехлами. Да, вот оно — замаскированный под резную панель узкий вход в углу. Князь отодвинул скользящую филенку. Раздался тихий скрежет, за ней зияла щель, пахнувшая пылью и холодным кирпичом.

Взглянув на часы, которые мирно тикали на стене, Максим решил немного подождать, до положенного времени еще было сорок минут. Он подошел к закрытому окну, слегка приоткрыл темно-зеленую штору. Дождь поливал Мироград с самого утра, а вечером к нему добавился промозглый ветер. Скоро мокрый снег начнет засыпать столицу, и солнечные дни станут редкостью.

Воронцов сразу заметил в зале, где за круглыми столиками ужинали гости, Горского и его помощника, кажется, Сахарова... Но сделал вид, что не увидел. Пришлось бы к ним подойти, вести беседу, а им с Александром было некогда. Они отправились на «рыбалку», и пусть «рыбка» не так крупна, как хотелось бы, но уже что-то.

Хотя... князь был готов себе признаться, что если бы Алиса поехала вместе с отцом в столицу и сидела сейчас рядом с Арсением Петровичем, то Максим бы не удержался. Обязательно бы поприветствовал Горских и повод бы нашел — Колчин. Он ведь действительно сегодня днем проверил реестр столичных оценщиков. Александр Викторович Колчин оказался зарегистрирован и довольно давно, что уже наводило на странные мысли. Взяв адрес конторы, князь направился к оценщику. Почему-то Воронцов не удивился, когда его принял не кудрявый хитрец, а важный мужчина в возрасте.

Выходит, Орден отправил в усадьбу Горских не только его, но и еще одного, хм, господина, который скрыл свое имя, прикинувшись Колчиным. Что это значило? Князю не доверяли? Или Орден готов идти на крайние меры? Этот лже-Колчин — птица другого полета и вполне мог совершить нечто омерзительное или страшное в отношении Алисы.

«А ты? — ехидно усмехнулся внутренний голос. — Или разбить сердце девицы вовсе не подлость?»

«Стоит ли его разбивать?» — неожиданно мелькнула мысль, и Воронцов усмехнулся. Нравилась ему Алиса. Не только приятным лицом и глубокими, притягивающими голубыми глазами. Она обладала острым умом и решительным характером. Не краснела от волнения, а прямо смотрела ему в глаза. А еще была в ней какая-то тайна и взгляд человека, пережившего многое. Но откуда столько глубины в такой юной девице? Князь хотел разгадать ее, чтобы притяжение к Горской рассеялось, как туман над Странницей.

Максим посмотрел на часы — большая стрелка подошла к двенадцати. Пора. Он снял плащ и сюртук: в тесноте они мешали. Оставив их на кресле, Воронцов втянулся в отверстие, прижимаясь к шершавой, холодной кладке. Князь заглянул внутрь через мелкую решетку, вмонтированную в стену, и замер, на мгновение задержав дыхание.

Пока он устраивался на месте, как раз появились двое «гостей». Они рассаживались за круглым столом, покрытым бордовым сукном, а слуга разливал господам ароматный чай.

Александр Чернышов, его друг, отлично играл роль дворянина, пытающегося скрыть любопытство и интерес. Граф перебирал край скатерти, избегая прямого взгляда на девицу. Она же сияла сильнее звезд в ночи, неосознанно разглаживая платье цвета морской волны, которое, как знал Воронцов, стоило целое состояние. Щеки купеческой дочери горели румянцем от волнения. Но главное внимание Максима приковал к себе мужчина лет сорока, в безупречном сером сюртуке. Он чем-то походил на гончую — худощавый, с цепким взглядом. На мизинце его левой руки Воронцов заметил перстень с черным обсидианом.

«Наверняка там вырезан феникс», — подумал Максим. «Член Совета. Не рядовой „брат“, а кто-то из руководства». Сердце заколотилось чаще, но не от страха, а от яростного предвкушения. Он был так близок к тайне... Только бы ничего не сорвалось.

Слуга откланялся, и незнакомец продолжил говорить, а князь понял, что, задумавшись о Горской, немного опоздал.

— ...Таким образом, граф, наши цели исключительно благородны, — голос у «гончей» казался бархатным, убедительным. — Орден Черного Феникса с древнейших времен хранит знания, утерянные миром. Мы хотим вернуть магию туда, где она была истреблена невежеством и страхом.

— Вы говорите о поисках на другом континенте? — переспросил Чернышов, наконец поднимая глаза.

— Именно. Наши агенты, путешественники и ученые, собрали убедительные свидетельства. В глубинах Южного материка, за непроходимыми джунглями и горами, сохранились следы цивилизации, которая не прервала связь с магическими источниками. Не в такой степени, как в легендарные времена хранителей, конечно. Но даже намек, даже обрывок знания может перевернуть все. Представьте: новые артефакты, новые возможности для медицины, для

прогресса... — голос оратора завораживал. Девушка ловила каждое слово, ее взгляд сиял фанатичной верой.

«Прогресс, который они будут контролировать и продавать по цене золота», — мысленно усмехнулся Воронцов.

— Это требует огромных средств, — осторожно заметил Чернышов, слегка откидываясь на спинку стула, демонстрируя сомнение.

— Разумеется. Но разве истинное знание имеет цену? — парировал незнакомец. — Ваш вклад, Александр Дмитриевич, может стать краеугольным камнем всей экспедиции. Мы уже договорились с Имперским Торговым Банком об особых условиях кредита для членов Ордена, готовых поддержать столь благое начинание. Проценты — символические. Гарантии — наши общие интересы. Ваше имя, ваше состояние обретут высшее предназначение.

Он сделал паузу, давая графу обдумать слова. Фролова не выдержала:

— Александр Дмитриевич, это же шанс не только возродить магию, но и оставить след в истории! Мы сможем... — она запнулась, покраснела еще сильнее. — Орден высоко ценит семьи своих благодетелей.

Чернышов взглянул на нее, и в его глазах мелькнула жалость, смешанная с усталостью. Воронцов знал, что Александр делал вид, будто увлекся купеческой дочкой, чтобы войти в доверие к Ордену.

— Мне нужно подумать, — сказал Чернышов твердо. — Суммы... слишком велики даже для меня. И экспедиция в неизведанные земли — предприятие более чем рискованное.

— Любое великое дело сопряжено с риском, — мягко, но настойчиво возразил незнакомец. — Но Орден берет все организационные вопросы на себя. Ваша роль — почетная. Финансовая и, возможно, моральная поддержка. Мы ценим осторожность, граф. Это качество разумного человека. Но помните: колесо истории не ждет. Пока вы думаете, этот шаг могут сделать другие. И тогда слава первооткрывателей, благодарность Ордена... все это достанется им.

Как поет. И подает-то с какой заботой о репутации. Дмитрий повелся, как и другие тщеславные дворяне. Только кто-то успел соскочить с крючка, а кто-то так хорошо попался, что вырваться из сети Ордена стало равнозначно... смерти.

В потайной нише стало душно, пыль щекотала ноздри. Воронцов прижал ладонь ко рту, чтобы заглушить кашель. Его разум лихорадочно работал. Они вербовали Чернышова не просто как богача. Александр был близок к императорскому двору. Ордену нужен был не только кошелек, но и «крыша», свои люди, так сказать. Им требовалось расширять сеть, потому что работающих артефактов становилось все меньше. А экспедиция... Искали ли они действительно источники магии? Вряд ли.

Разговор перешел на конкретику. Незнакомец, назвавшийся наконец «бароном фон Риттером», начал расписывать график взносов, условия кредита, намекая на исключительное вознаграждение — не только золотом, но и, например, артефактами для личного пользования. Чернышов кивал, задавал короткие, деловые вопросы. Девушка сияла, будто это был ее личный триумф.

«Нельзя не отметить. Умеют они... убеждать», — подумал князь, наблюдая, как Александр якобы колеблется, но под давлением купчихи и умелого внушения фон Риттера в итоге уступает.

Встреча подошла к концу. Поцеловав руку Фроловой и обменявшись с Чернышовым крепким рукопожатием, барон вышел первым. Граф с девушкой задержались.

— Лилия Константиновна, вы уверены в этих людях? — тихо спросил Александр.

«Только бы не начал убеждать ее в благородном порыве спасти, — нахмурился князь. — Тогда вся операция может провалиться».

— Они — будущее! — восторженно воскликнула купчиха. — Папенька говорит, что это величайшая честь — войти в историю.

Чернышов ничего не ответил. Слышно было, как он тяжело вздохнул и предложил проводить девицу до кареты. Та восторженно защебетала слова благодарности. Когда дверь за ними закрылась, князь еще несколько минут стоял, не двигаясь, прислушиваясь к привычному шуму артефактов и теплу собственного, родового. Он должен был защитить наследника от любой угрозы... только вот Дмитрия не спас. И это была еще одна загадка, которую требовалось разгадать.

Князь вернулся в кабинет, натянул сюртук, смахнул пыль с брюк. Лицо в зеркале над камином казалось бледным, а вот глаза горели холодным зеленым огнем... Воронцов вышел из кабинета, запер дверь и направился в соседнюю комнату. Здесь было намного уютнее — светлее и теплее.

Вскоре вернулся друг со слугой. Тот убрал грязную посуду и принял заказ на ужин.

— Я еле сдержался, чтобы не врезать этому фон Риттеру, — тихо произнес Александр, когда слуга покинул кабинет. — И эта дурочка... дочь купца Фролова. Неужели не понимает, во что ввязалась? Как ее отец допустил подобное?

— Думаю, она все понимает, и Фролов тоже, — возразил Воронцов.

— И что теперь? — Александр поставил локти на стол и потер виски. — Я подписываю эти бумаги, отдаю им деньги? Получим ли мы хоть что-то, Максим, или просто обогатим этих негодяев?

— Мы получим нить, — твердо сказал Воронцов, в его глазах горела та же холодная решимость, что и в потайной нише. — Они затянут тебя глубже. Потребуют новых вложений, представят тебя другим «братьям». Чем выше ты поднимаешься в их глазах, тем ближе мы подберемся к Совету и получим доказательства против тех, кто отдал приказ о расправе над Дмитрием и другими дворянами.

В этот момент вошел слуга с подносом, уставленным блюдами. Аромат жареной дичи ипряного вина наполнил комнату, и Воронцов понял, как проголодался.

Будуар княгини Орловой тонул в привычной полутьме, нарушаемой лишь трепетным светом камина и одной-единственной лампой под зеленым абажуром на столике для писем. Марина Алексеевна сидела на диванчике возле окна и с какой-то тоской смотрела на моросящий дождь. Она не любила холод, особенно зиму с ее пронизывающими ветрами. С каким бы удовольствием она уехала на юг переждать морозы, но... не сейчас. Когда Орден оказался так близок к тому, чтобы отыскать наследницу.

Лебедев стоял перед хозяйкой дома и держал не просто фолиант, а тяжелый том в потертой черной коже, с металлическими застежками, которые, кажется, не открывались столетиями. Книга лежала на его руках раскрытой на странице с цветной гравюрой.

— Поступила информация, что у девицы Горской есть кулон... похожий на этот, — Лебедев повернул книгу так, чтобы свет лампы упал на изображение.

На пожелтевшей бумаге был изображен мужчина в длинных, простых одеждах, с непокрытой головой. Его лицо казалось суровым, а глаза даже на старинной гравюре словно излучали внутренний свет. На груди мужчины висел простой кожаный шнур с кулоном. Небольшим, каплевидным, с тончайшей золотой оправой, в центре которого был вставлен камень с мерцающим жарким отсветом в глубине.

— Это «Сердце Феникса», — торжественно произнес Лебедев. — Один из немногих артефактов огненных магов. Легенды рассказывают, что он способен... разжечь искру прошлого. Позволить носителю, если в нем живет достаточная сила, вернуться назад, чтобы изменить будущее.

Княгиня, до этого момента сидевшая неподвижно, медленно подняла глаза от гравюры на советника. «Разве такое возможно?» — с тревогой и восхищением мелькнула мысль у Марины Алексеевны.

— Что это значит? — тихо произнесла княгиня, даже на мгновение перестав дышать в ожидании ответа.

Ее сиятельство еле подавила желание обхватить себя за плечи, будто это могло защитить. Мысли неслись с бешеной скоростью. Странности в поведении Горской на балу, о которых говорил Павел Русланович, ее слишком взрослый взгляд, заинтересованность в мастерской отца, осторожность к советнику, настойчивое желание ехать в усадьбу...

Алиса Арсеньевна отличалась от легкомысленной девицы, которой ее представили в отчете.

— Я лишь предполагаю то, о чем уже говорил, — тихо ответил Лебедев, закрывая фолиант с глухим стуком. — Девица слишком резко изменилась. Мне есть с чем сравнить. — Он сделал паузу, давая княгине осознать, насколько все может оказаться серьезно. — А что мы вообще знаем о роде Каравелла? О ее матери? Мы знаем, что они принадлежали к зажиточным мещанам с туманной историей. Лука Каравелла за какие-то заслуги перед императрицей получил вознаграждение и приобрел усадьбу «Каменная Роза», а после породнился с обнищавшим древним родом Волинских, которые... когда-то приглядывали за «Молчаливой Пустошью».

Княгиня вздрогнула. Сколько совпадений. Случайных или...

— Мы знаем, что Елена Каравелла вышла замуж за купца Арсения Горского, — докладывал дальше советник. — И мы знаем, что она умерла при загадочных обстоятельствах, связанных с огнем. Наш агент заметил в усадьбе инока...

Марина Алексеевна не выдержала и поднялась. Ей неожиданно стало холодно, и она подошла к камину, завороченно глядя на огонь.

— Если это правда... — прошептала княгиня. «Если она наследница, то я смогу убедить Горскую помочь нам, а после... останется только контролировать ее силу», — подумала она.

Княгиня резко обернулась к Лебедеву, в ее взгляде сияла такая решимость, что советник невольно склонил голову.

— Пора все выяснить, — твердо произнесла Марина Алексеевна. — И немедленно. Если этот кулон действительно «Сердце Феникса» и Горская принадлежит к роду огненных магов, то необходимо любым способом этот кулон у нее изъять, а девицу, если не подчинится, доставить в подготовленное место, где она заговорит. Ты знаешь, о чем я.

Лебедев почтительно кивнул.

— Обсидиан давно ждет наследницу.

Княгиня задумчиво барабанила пальцами по мраморной полке камина.

— Нужен хитрый ход. Такой, чтобы она не почувствовала угрозу, пока не станет слишком поздно. — В глазах ее сиятельства вспыхнул холодный огонек. — И надо поторопиться, раз архиерей Валериан уже послал Братство шпионить за Горскими.

Советник снова кивнул, и в глубине его глаз мелькнуло нечто, что можно было принять за одобрение. Игра вступала в новую, смертельно опасную фазу. И теперь на кону стояли не просто влияние или богатство, а новая реальность с наследницей.

После ухода Лебедева княгиня еще долго стояла у камина, глядя на портрет императора. Художник изобразил его высоким и худощавым, с благородной осанкой. Продолговатое лицо, непреклонный взгляд синих глаз, напряжение в уголках рта, говорящее о бремени власти. Княгиня знала, что под безупречным мундиром прячется усталость человека, пытающегося исправить ошибки прошлого и создать замену магическим артефактам.

Затем ее взгляд упал на раскрытый фолиант, лежащий на столе.

«Я никому не позволю помешать мне. Если нужно, то посажу Горскую на цепь, заставлю есть с моих рук, но огненная магия будет в моей власти». Княгиня с яростью сжала кулаки, несколько не сомневаясь, что у нее все получится.

Глава 4

Утро в мастерской началось с привычного гула работающего станка и запахом машинного масла, смешанного с озоном от заряжаемых артефактов. Сняв пальто и аккуратно повесив его на вешалку в кабинете, я поднялась на второй этаж. Двое охранников, Журин и Боярышников, разместились у дверей, не привлекая лишнего внимания, но их присутствие ощущалось — как тихая, уверенная сила, которую обеспечил папа.

— Барышня, с утра уже три заказа забрали, — доложил Вовка, появляясь из-за стеллажа с деталями. Его лицо, обычно озабоченное, сейчас светилось гордостью. — А счет Фролова я, как вы велели, перепроверил трижды. Там переплата на сотню целковых.

— Молодец, Вовка, — кивнула я, подходя к большому рабочему столу, заваленному чертежами отца. — А Краснов никого не присылал?

— С час назад, — Вовка понизил голос, хотя кроме нас здесь никого не было. — Говорит, поставка будет к вечеру. Но просит... чтобы мы не раскрывали его имя. Чтоб, значит, Фролов не прознал.

«Бойтесь угроз от Ордена, — промелькнуло у меня в голове. — Уже хорошо, что вчера удалось его уговорить». Папеньке Краснов отказал, тогда я отправила подмастерья с запиской и цену накинула подороже, на треть больше. Пусть его дочка первая в Веретьево сплетница, сам Краснов был неплохим человеком. То ли тронуло мое жалобное письмо, то ли решил подзаработать. Теперь уже неважно. Зато теперь будут нужные детали и можно хотя бы простые заказы выполнять. Из-за Фролова отец не мог не только изобретениями заниматься, но и работать над другими задачами. Вот тебе и старый компаньон. Фролов продал дружбу за золото.

— Хорошо. Прими тогда груз, все проверь и заплати из кассы. Ключи у тебя?

Вовка кивнул, похлопав по карману холщовых штанов. Я доверяла ему. Мальчишка был одним из немногих, кто остался верен Горским, когда весь мир от меня отвернулся.

Я вернулась в отцовский кабинет — и погрузилась в изучение счетов и заказов. Знания будущего давали мне преимущество. Я помнила, какие клиенты окажутся надежными, а какие исчезнут, не заплатив. Помнила, кто в ноябре придет с претензиями на брак, и потребует возврата денег. Пометив несколько имен особыми значками, я составила план работы на неделю. Странное чувство могущества, одновременно теплое и тревожное, разлилось внутри. Я маленькими, осторожными шагами меняла течение событий, а значит, и судьбу.

Неожиданно послышались громкие мужские голоса. Я услышала Журина и поспешила в коридор. У входа стояли три человека в форменных сюртуках городской инспекции. Во главе — важный чиновник с обрюзгшим лицом и портфелем под мышкой. Его два спутника, помоложе, имели вид этаких ревнителей порядка, готовых тут же начать все опечатывать.

Вовка замер на лестнице, широко раскрыв глаза. Охранники у дверей напряглись. Журин так вообще навис над чиновником и сверлил того яростным взглядом. Я жестом руки дала им понять: пока не вмешиваться. На мгновение я перестала дышать, быстро соображая, что это не случайные посетители. Их прислал Орден.

Я мгновенно перебрала в памяти события прошлой жизни. Да, в ноябре, перед тем, как Воронцов сделал мне предложение, была подобная проверка. Папа еще получил письмо с печатью Ордена Черного Феникса, вот тогда его оштрафовали на крупную сумму, а после случился пожар... Но сегодня только двадцать восьмое октября. Будущее изменилось? Значит, разрыв с Фроловым, поездка в усадьбу, охрана, мое присутствие в мастерской повлияли на события.

— Пригласите Арсения Петровича Горского, — громко произнес старший чиновник, задирая повыше двойной подбородок.

Я ощутила, как «Сердце Феникса» на груди отозвалось слабым, почти неощутимым теплом, будто подбадривало меня.

—Моего отца нет в городе, — спокойно сказала я, с презрением глядя в холодные глаза чиновника и подумав: «Как будто они не знают!» — Я Алиса Арсеньевна Горская, его дочь. В настоящее время веду дела мастерской. Чем могу быть полезна?

Чиновник окинул меня взглядом, полным сомнения и откровенного пренебрежения. Девушка в мастерской? Неслыханно.

—Проверка городской инспекции по соблюдению правил пожарной безопасности и норм содержания производственных помещений, — отчеканил он, доставая из портфеля бланк с круглыми печатями. — Имеем информацию о серьезных нарушениях.

Я позволила себе легкую, почти светскую улыбку.

—Конечно, господин... — намеренно сделала паузу.

—Титулярный советник Любимов, — представился чиновник, выпячивая грудь. Ожидал, видимо, что звание произведет впечатление.

—Господин Любимов, — произнесла я, слегка склонив голову. — Мастерская готова к проверке. Однако позвольте заметить: согласно императорскому указу, внеплановая проверка малых производственных предприятий может быть осуществлена только при наличии веской, документально подтвержденной жалобы или в рамках общего квартального рейда, о чем должно быть объявлено в «Губернских ведомостях» не менее чем за пять дней. Вы имеете при себе копию такой публикации? Или, быть может, письменную жалобу, которую я имею право видеть?

Любимов слегка опешил. Он прищурился, очевидно, не ожидая, что какая-то купеческая дочь будет цитировать ему бюрократические нормы. Только я отлично помнила после всего жаркий спор Григория Львовича с отцом, который не понимал, почему папа впустил городскую инспекцию и заплатил крупный штраф. Уже позже я сама ознакомилась с правилами проверки... Из-за письма Ордена папа не стал перечить Любимову. Чем же они могли ему пригрозить, если он уступил?

—У нас есть оперативная информация, — буркнул чиновник, но уже менее уверенно. — Опасность пожара. Ваша мастерская связана с артефактами, здесь используются легковоспламеняющиеся материалы...

—Все материалы зарегистрированы Императорским техническим обществом и имеют действующие сертификаты безопасности, — парировала я, зная, как отец месяцами собирал эти бумаги, как сиял, получив последнюю печать от Лебедева. — Материалы хранятся в отдельном месте, оборудованном по последним правилам, о чем есть акт приемки от пожарной дружины Веретьево от десятого мая этого года. Вовка, принеси, пожалуйста, папку с сертификатами и актами, ту, что на верхней полке в кабинете.

Подмастерье кинулся выполнять поручение. Любимов переглянулся со своими подручными. Проверка явно пошла не по плану. В воздухе повисло напряжение... Как же мне нравилось менять будущее.

—Кроме того, — продолжала я, делая шаг вперед, — согласно тому же указу, проверяющая комиссия обязана включать представителя гильдии мастеров-артефакторов. Я не вижу здесь такового. Не могли бы вы пояснить этот момент, господин статский советник?

Тишина в мастерской стала звенящей. Даже привычный шум защитных артефактов почти исчез. Любимов покраснел. Я видела, как в его глазах мелькнула растерянность, быстро сменившаяся злостью.

—Вы... слишком умничаете, барышня! — выпалил чиновник. — Я здесь представляю городскую власть и вижу нарушения! Вон, посмотрите! — он ткнул пальцем в угол, где стояли ящики с древесной стружкой для упаковки товара. — Легковоспламеняющиеся отходы! И это только начало!

Я взглянула на ящики. Да, формально он был прав. Но...

—Эти отходы подлежат ежедневному вывозу к четырем часам дня, согласно договору с городским ассенизационным обозом, — сказала я, и в моем голосе впервые прозвучали стальные нотки. — Квитанции об оплате за месяц вперед у нас имеются. Это, опять же, документ. А какие документы можете предоставить вы, господин Любимов? Иначе ваши обвинения могут быть расценены как злоупотребление должностным положением с целью оказания давления на честного мастера. Особенно сейчас, когда внимание определенных высоких учреждений к техническим новинкам, рождающимся в стенах этой мастерской, пристально как никогда.

Лицо Любимова стало землистым. Он что-то пробормотал про «уточнить детали» и «вернуться». Его спутники уже не выглядели грозными, они переминались с ноги на ногу, их взгляды беспомощно скользили мимо моих охранников, которые теперь стояли в полный рост, скрестив руки на груди, и смотрели на чиновников с таким ледяным безразличием, от которого кровь способна застыть в жилах.

Вовка вернулся с толстой папкой, которую я торжественно приняла и раскрыла прямо перед носом ошеломленного статского советника.

—Вот все документы, господин Любимов. Копии можете снять. А оригиналы, как понимаете, должны остаться у нас. Могу также предложить чаю, пока вы изучаете, — сказала я сладким голосом, в котором не скрывала издевку.

—Нет необходимости. Мы... вернемся. С должным составом комиссии, — фыркнул Любимов.

—Всегда рады сотрудничеству с городскими властями, — сказала я, провожая их к двери тем же сладким тоном. — Ждем официального уведомления.

Когда дверь закрылась за тремя спинами, в мастерской воцарилась тишина, которую через мгновение нарушил глубокий, сдавленный выдох Вовки.

—Алиса Арсеньевна... да вы... вы их... — он не мог подобрать слов, его лицо выражало смесь восторга и ужаса.

Я оперлась о стену, вдруг ощутив предательскую слабость в коленях. Отбилась. Я смогла. Смогла.

—Ничего особенного, Вовка, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, глотая подступивший к горлу комок. — Просто знай свои права и заставь других их уважать.

Журин, старший охранник, подошел ближе. В его обычно непроницаемых глазах светилось неподдельное уважение.

—Отличная работа, Алиса Арсеньевна. Таких бюрократов только так и надо встречать.

Я кивнула, не в силах вымолвить больше ни слова. Ну, вот я послала сигнал тем, кто стоял за Любимовым, что с Горскими теперь все не так просто.

«Хорошо, — подумала я, возвращаясь к бумагам, к цифрам, к планам. Руки уже не дрожали. — Пусть знают, мы просто так не сдадимся».

Следующие несколько часов прошли в размеренном, рабочем ритме. Вовка занимался заказами, аккуратно упаковывая готовые детали в древесную стружку, а я сверяла накладные. Потом, как и обещал Краснов, пришел долгожданный товар. Его было немного, несколько скромных ящиков, но это даст продержаться нам до приезда папеньки. По крайней мере, я надеялась.

Дела были закончены, и под вечер, когда я уже собиралась закрывать мастерскую, Боярышников постучал в дверь кабинета, чтобы доложить о посетителе. Я кивнула, и через мгновение в комнату вошел юркий, сутулящийся человек в поношенном, выцветшем от времени сюртуке. Он робко поклонился на пороге, нервно крутя в красных от холода руках потертую фуражку с помятым козырьком.

—Барышня Горская? Я от господина Сахарова. Он просил передать вам записку... — Незнакомец вытащил из-за пазухи потрепанный конверт, не запечатанный, а просто сложенный уголком, и передал мне. Почерк был папин, угловатый и размашистый.

«Алисонька, дела в столице идут туговато. Мы встретились со старыми знакомыми, они обещали помочь. До скорой встречи. Папа».

Странно. Почему не через обычную почту?.. Я посмотрела на гонца.

—Откуда вы? Как вас зовут?

—Сидоров я, барышня. Кучер дилижанса. Господин Сахаров попросил доставить вам письмо. Они с господином Горским остановились в гостинице «Трактир Ветра». А когда Григорий Львович узнал, что я отправляюсь в Веретьево... Ну, так быстрее, чем почтой.

—Благодарю вас, — я протянула кучеру пару монет.

Польщенный Сидоров раскланялся и исчез так же быстро, как и появился. Я осталась одна в кабинете. Беспокойные мысли не покидали. Только у папеньки бы все вышло... Как только он доработает свое изобретение, замена артефактов, императорская благосклонность защитит отца от Ордена Черного Феникса.

Лохматого отстранили от дела сразу же после того, как он вернулся из усадьбы Горских. Нюхач молча слушал его рассказ, и лишь сильнее нахмурился, когда Лохматый поведал про инока и Горскую.

Все же шпион промолчал про свет, идущий от девицы, и что в этот момент ощутил забытое тепло в груди... счастье. Не смог выдать ее. Он сам начал считать, что ему все привелось и решил, что Нюхач не поверит, или, что еще хуже, подумает, что он спятил.

— Кулон видел на девице? — поинтересовался главарь.

— Нет, — мотнул головой Лохматый и с ехидной насмешкой добавил: — Если и был, то под платьем, а туда лезть команды не было.

— Воронцов что? Обхаживает девицу? — продолжал расспрашивать Нюхач, не обращая внимания на ерничество подчиненного.

—Еще как, — Лохматый почувствовал себя свободнее, когда беседа перешла на князя. — На прогулку с ней вышел, беседы вел. Не слышал, о чем, но девица вся покраснелась. После, когда я покинул усадьбу, то занял наблюдательный пункт и уже в подзорную трубу сутки за ними смотрел. Как парочка гуляли, Творцом клянусь.

— Не клянись, — цокнул Нюхач и указал пальцем вверх. — Там Он все твои грехи припомнит и жалеть не станет.

Лохматый пожал плечами. Мол, да мне плевать. Может еще поэтому негодяй промолчал про свет, надеялся... получить прощение?

— С Горской тебе видется больше ни к чему. В Веретьево твоя работа закончена. Возвращайся в столицу, там одного дворянина обрабатывают, и тебе работенка будет, — велел Нюхач, переведя взгляд

Но поздним вечером, перед тем как покинуть городок, Лохматый проехал мимо дома Горских. Шпиона охватила какая-то тоска и надежда на чудо, что сейчас появится девица и он снова увидит тот странный свет. Но чуда не случилось. И впервые за несколько лет негодяй вспомнил о Творце. Он резко дернул вожжами, заставляя лошадь свернуть с улицы в темный переулок. Лохматому нужно было остаться наедине с этим странным чувством, которое жгло грудь, как тогда... в усадьбе. Было ли это проклятием или... шансом на прощение? Он все еще не знал.

Глава 5

Тишина Императорской Публичной библиотеки была такой естественной. Она не раздражала, а, наоборот, создавала некую уютную атмосферу, в которой посетитель мог с легкостью погрузиться в чтение с головой. Однако в отдел редких рукописей и фолиантов допускался

не каждый читатель. Только с определенным пропуском. Вот у князя Воронцова он имелся, у Павла Руслановича Лебедева — тоже.

Советник стоял в тени между двумя высокими шкафами, держа небольшой фолиант, на корешке которого виднелся вытесненный знак пламени. Книга была лишь ширмой, идеально соответствующей месту. Лебедев замер в ожидании. Когда ему доложили, что князь после обеда двинулся в библиотеку, советник не удивился, а вот отдел, куда отправился Воронцов... оказался неожиданным.

«Князь умен, расчетлив и... непредсказуем. Да, Воронцова приняли в Орден, но я прекрасно помню, что он пытался расследовать дело о смерти старшего брата». Павел невольно прищурился. «Это княгиня думает, что Воронцову можно доверять, а я считаю, что он не отказался от своей цели. А значит, в любой момент его лояльность может исчезнуть. Меня очень интересует, почему Максим Сергеевич не отговаривает своего друга, графа Чернышова, от сомнительной сделки. Ведь он же понимает, что это дело рук Ордена. Граф наверняка ему все рассказал... или нет? Надо выяснить».

Лебедев выждал. И ровно через три минуты в дальнем конце прохода возникла знакомая фигура. Князь Воронцов двигался бесшумно, его взгляд скользил по корешкам с деланой отрешенностью человека, ищущего конкретный труд. Лебедев позволил ему сделать еще два шага, прежде чем вышел из бокового ответвления навстречу.

«Идеально, — промелькнуло в голове у советника. — Неожиданность позволяет увидеть истинные чувства». Но и Воронцов был не так прост, и единственная эмоция, которая мелькнула в его глазах — это легкое удивление.

— Ваше сиятельство, — тихо произнес Лебедев. — Фолианты, связанные с правосудием и юридическими законами, редко соседствуют с древними рукописями. Вы отклонились от своих обычных маршрутов?

Воронцов слегка приподнял правую бровь и дерзко ответил:

— Правосудие, Павел Русланович, часто зиждется на прецедентах. А они, как известно, покоятся в истории. Пыльная, но необходимая работа.

«Хитер. Его так просто не подловить», — с невольным восхищением подумал Лебедев.

Взгляд князя скользнул по фолианту в руках советника, и уголки его губ дернулись в легкой усмешке.

— А вы, я вижу, погрузились в алхимию? Или в поиски философского камня? Неужели техническое общество сменило направление интересов?

Лебедев не сразу ответил. Он медленным движением чуть приподнял книгу, повернув ее так, чтобы свет от лампы упал на вытисненный на переплете символ — застывшее пламя.

— Мой интерес — не алхимия, ваше сиятельство. История покорения первой и главной стихии. Огня. Основы прогресса, цивилизации... и самых страшных падений, — советник говорил, не отрывая взгляда от лица Воронцова, выискивая в нем малейшую тень понимания, намек на то, что князь улавливает скрытый смысл этих слов.

Но Максим Сергеевич оставался бесстрастным. «Он может не знать, чем на самом деле занимается Орден, а может и скрывать свои чувства».

Из-за поворота в соседнем проходе явственно донеслись тихие голоса и скрип книжной тележки — библиотекарь с помощником начали обход. У Лебедева дрогнула бровь. Встреча в проходе, под прикрытием светской беседы, — одно дело. Но чтобы их застали за разговором...

— Позвольте предложить вам воспользоваться комнатой для копиистов. Здесь стало слишкомлюдно для таких тем, — прошептал Лебедев.

Воронцов медленно кивнул, продолжая пристально смотреть на советника. Павел повернулся и двинулся вглубь лабиринта, не оглядываясь, уверенный, что князь пойдет за ним. Тот после мгновенной паузы последовал за ним.

Кабинет для копиистов оказался крошечной комнатухой с одним окном, выходящим во внутренний двор. Стол, два стула, чернильница и несколько старых перьев. Лебедев положил книгу на стол и, взглянув на Воронцова, вынул из внутреннего кармана сюртука конверт с печатью Ордена.

— Насколько я понимаю, дело с девицей Горской у вас продвигается, — советник не спрашивал, а утверждал. — Ее отец задержался в столице. Его дела... осложнились, скажем так. Алиса Арсеньевна осталась в Веретьево. И у нас есть серьезные основания полагать, что при ней находится некий артефакт. Кулон. Вот описание. — Лебедев протянул князю письмо. — Ваша задача — отправиться в Веретьево. Точно установить, имеется ли у девицы Горской этот кулон. Это важно для общего дела.

Князь не торопился отвечать, словно раздумывал, убирая конверт в карман.

— А если кулона у нее нет? — наконец спросил Воронцов.

Уголки губ Лебедева дрогнули в подобии улыбки.

— Тогда, дорогой князь, она станет прекрасным мотивирующим инструментом. Арсений Петрович, беспокоясь за единственное дитя, проявит куда меньше энтузиазма для своих опасных экспериментов. И согласится сотрудничать с нами. Вашей следующей задачей будет привезти Горскую в столицу. Марина Алексеевна очень просила сделать все без лишнего шума, желательно добровольно, чтобы девица ни о чем не догадалась. Орден на вас полагается, Максим Сергеевич. И я... тоже.

Последняя фраза была произнесена с едва уловимым, но отчетливым ударением.

За дверью послышались неспешные шаги — вероятно, сторож, библиотекарь или читатель. Оба замолчали, замерли. Шаги миновали и затихли вдали.

— Куда я должен доставить купеческую дочь? — Воронцов вовсе не походил на исполнителя.

У Лебедева вообще складывалось впечатление, что сейчас князь раздает указания, а советник — лишь исполнитель.

— Недалеко от проспекта Двух Лун есть гостиница «Трактир Ветра». Там Горский и оставился. Сегодня вам надлежит там поужинать, чтобы встретиться с ним. Скажите, что завтра выезжаете в Веретьево. Вы ведь там занимаетесь проверкой императорских артефактов, — Павел неожиданно для себя разнервничался.

Не нравилось ему, что князь слишком спокоен. Никакого волнения или раздражения. Лишь пристальный взгляд зеленых глаз его сиятельства внимательно наблюдал за Лебедевым. И ему это не нравилось.

Воронцов молча кивнул.

— Вот и доставите девицу в эту гостиницу. Найдите только повод. Так вы останетесь чисты, остальное сделают другие люди, — натянуто улыбнулся советник. — Только действуйте быстро, Максим Сергеевич. В Веретьево, по моим сведениям, уже пахнет жареным. Братство проявило интерес к Горской. Они не должны вас опередить.

— Вот как, — снова правая бровь Воронцова слегка приподнялась. И все.

Князь вышел из кабинета, растворившись в темном коридоре между книжных полок. Лебедев остался один в тишине, нарушаемой лишь едва слышным гулом большого города за толстыми стенами.

Советник подошел к закрытому окну, взглянул на серое небо. Левая рука Павла непроизвольно сжалась. Большой палец нащупал массивный, отполированный до идеальной гладкости обсидиан, вправленный в тяжелый золотой перстень на безымянном пальце. Он начал медленно вращать кольцо, ощущая, как металл скользит по коже.

План в отношении Горского был прост: изолировать мастера, лишив его поставок купца Фролова, затем создать видимость помощи через техническое общество, которое на деле будет саботировать, и в момент наивысшего отчаяния Горского — предложить ему покровительство

княгини Орловой на ее условиях, которые превратили бы его изобретения в инструмент власти Ордена, а его самого — в послушного исполнителя.

«Как все удачно складывалось, но старый дурак с замашками благодетеля вмешался, куда не просили», — раздраженно подумал Лебедев.

Вот этот старый приятель Горского, отставной генерал, — все мог испортить. Поэтому девицу срочно надо брать в оборот, а Воронцов пусть держится к ней поближе. Пусть продолжает пудрить ей мозги. А если... Советник усмехнулся. Пусть предложит ей руку и сердце. Если она действительно наследница, то ее нужно приручить... медленно и осторожно. Орден должен стать для нее спасением, а обсидиановая комната — это крайняя мера.

Воронцов вышел из библиотеки, и сырой ветер тут же ударил в лицо, принося запах увядающих листьев. Лебедев был уверен, что князь проглотит наживку, как послушная гончая. Максим усмехнулся собственным мыслям. Как же они ошибались.

Он легко сбегал по мокрым ступеням, кивнул извозчику и уже через четверть часа стоял перед массивной дубовой дверью «Трактира Ветра». За ней гудел приглушенными голосами зал, пахло жареным мясом и дорогим табаком. Приказчик с седыми бакенбардами узнал его и почтительно склонил голову. Князь небрежно бросил плащ швейцару и окинул зал цепким взглядом.

Горский и Сахаров сидели в центре. Арсений Петрович выглядел уставшим: под глазами залегли тени, пальцы нервно постукивали по столу. Григорий Львович что-то негромко говорил, пытаясь, видимо, отвлечь друга от мрачных мыслей. Воронцов сразу направился к ним с почти приятельской улыбкой.

—Арсений Петрович, Григорий Львович, — князь остановился у стола, слегка склонив голову. — Какая неожиданная встреча.

Горский поднял голову, и в его глазах мелькнула настороженность, быстро сменившаяся вежливым приветствием.

—Ваше сиятельство, — Арсений приподнялся было, но Максим жестом остановил его. — Не ожидал вас здесь встретить. Дела в столице... вот, затянулись.

—Понимаю, — сочувственно произнес князь, опускаясь на свободный стул, будто его пригласили. — Я заскочил поужинать, прежде чем снова отправлюсь по делам. Здесь подают отличное жаркое.

Сахаров мгновенно оценил ситуацию.

—Рады компании, Максим Сергеевич, — Григорий Львович подозвал слугу. — Надеюсь, ваши дела в столице успешны?

—Как сказать, — Воронцов иронично улыбнулся. — Императорские артефакты требуют проверки, старые связи нужно поддерживать, а новые — заводить. Кстати, Арсений Петрович, я как раз собирался завтра выехать в Веретьево, чтобы осмотреть артефакты в вашей мастерской. Но, как я понимаю, вас в городке не будет еще несколько дней?

Горский нахмурился, откладывая вилку.

—Боюсь, ваше сиятельство, я задержусь в столице еще на неделю. Дела с поставщиками... не идут гладко. Я буду вам благодарен, если вы передадите от меня весточку Алисе. Она сейчас присматривает за мастерской.

Воронцов сделал заказ слуге, а после посмотрел прямо в глаза Арсению Петровичу:

—Я уверен, ваша дочь прекрасно справляется в ваше отсутствие. Она произвела на меня большое впечатление в усадьбе.

При этих словах лицо мастера озарилось смесью гордости и тревоги.

—Алиса — удивительная девушка, — тихо произнес Горский, в его голосе зазвучала та самая отцовская нежность, которую Максим уже слышал в усадьбе.

Потом был разговор ни о чем. И после ужина Воронцов распрощался с собеседниками:

—Удачи вам, Арсений Петрович. Завтра я передам Алисе Арсеньевне, что вы в порядке.

Максим вышел в коридор, и только там позволил себе выдохнуть. Лебедев будет ждать от него отчета. Княгиня — результатов. А он... сделает ровно то, что считает нужным. Даже если для этого придется обмануть всех.

Гостиная в этот пасмурный день казалась особенно уютной: мягкий свет от камина играл на полированной поверхности круглого столика, а за окном ветер срывал последние листья с деревьев. Я сидела напротив Лилии, держа на коленях журнал мод, который мне вручила подруга со словами: «Из столицы!» С каким удовольствием я бы открыла мамин дневник и снова почитала его. Вдруг заметила бы то, что пропустила прошлый раз, тогда, в усадьбе. Но мне пришлось сидеть в кресле с милой улыбкой и слушать трескотню Лилии.

— ...и он сказал, что никогда не встречал такой изысканной девушки, как я, — Лилия пригубила свой кофе.

Щеки подружки пылали румянцем, не от смущения, — я слишком хорошо ее знала, — а от самодовольства. Она заглянула ко мне в гости в модном и невероятно дорогом наряде, который мягко шелестел при каждом ее движении. — Александр Дмитриевич просто не может нарадоваться, что мы нашли друг друга. Папенька говорит, что дело уже почти решено и скоро будет оформлен брачный договор... О, я даже не думала, что это так сложно, когда речь идет о дворянстве.

«Кажется, она произносит слово „дворянство“ с особенным, сладострастным придыханием», — мелькнуло у меня в голове.

—Я очень рада за тебя, Лилия, — это была правда, и все же что-то настораживало. Подруга должна была выйти за Ивана Степанова, сына владельца пароходства. Неужели будущее настолько изменилось? Чернышов ведь был помолвлен с Анной Громовой, дочерью графа. Дворяне рождались только с равными по положению. Ни у меня, ни у Лилии не было ни единого шанса. Только теперь я это понимала, а вот подруга... — Граф Чернышов, безусловно, хорошая партия. Значит, ты смогла его... уговорить стать благотворителем?

—Да! — Лилия захлопала в ладоши, и ее браслеты звякнули. — И ты только представь, Алиса, мы всей семьей перебираемся в столицу! Папенька уже присмотрел там дом в благопристойном районе. Ну, не прямо на набережной, конечно, но очень близко. Мы будем проводить там всю зиму. Балы, приемы, театры... — ее глаза радостно блеснули. — Орден сможет организовать экспедицию за Источником Силы, который был утерян, когда погасли древние огни. И граф Чернышов поможет его найти! Его имя войдет в историю. — Она выдохнула с благоговением. — Я буду страшно скучать по нашему милому городишку. Такая... тишина. Такие милые, простые люди, а в столице столько суеты.

Лилия произнесла последние слова с легкой ехидцей, и ее взгляд скользнул по моему скромному домашнему платью, по книжной полке отца, по виду из окна на улицу. Я невольно подумала: «Откуда у Фролова такие деньжищи, чтобы купить дом в столице? Явно получил хорошую оплату от Ордена. Неужели за привлечение денег графа?»

—Папенька теперь носит такой особый перстень, с черным камнем, — Лилия нахмурилась, вспоминая. — Обсидиан, вроде. Ему торжественно вручили его на особой церемонии в столице.

Я посмотрела на Лилию и невольно загрустила по тому времени, когда мы с ней делились девичьими секретами. Этой наивной, восторженной подружки больше не существовало. Передо мной сидела девушка, в глазах которой горел холодный огонь честолюбия, и она только что призналась — ее отец вступил в Орден Черного Феникса.

—Тебе, я думаю, здесь будет спокойнее, — продолжала болтать Лилия, наливая себе еще кофе. — Без всей этой столичной суеты. Ты ведь всегда любила тишину и книги. Хотя, —

она прищурилась, — с твоей-то красотой и приданым... да тут любой местный купец будет счастлив. Тебе бы только захотеть.

«Любой местный купец». Укол был точен и меток. Подружка напомнила мне мое место — дочери провинциального купца, пока она сама готовилась блистать в высшем свете. Откуда в ней столько злости? Раньше я подобного не замечала.

—Возможно, — ответила я, наблюдая, как Лилия, оттопырив мизинчик, держит фарфоровую чашечку. — Но у меня сейчас другие заботы. Мастерская, дела отца...

—Ах, да, твой папенька-изобретатель! — воскликнула она, и в ее голосе прозвучала фальшивая нота участия. — Надеюсь, его дела в столице наладятся. Не хотела тебе говорить... отец был против, чтобы я навестила тебя и попрощалась. Он сказал, что Арсений Петрович поступил с ним бесчестно. Отказался покупать товар, который был заказан под него, разорвал контракт... Это правда?

И снова я увидела ту прежнюю Лили. Она не хотела терять подругу и надеялась, что я отвечу так, чтобы мы не поссорились.

—Не знаю, честно, Лили, — врала я, не краснея. — Это купеческие дела, а я... не хотела бы с тобой из-за них поругаться.

—И я, — тихо произнесла подружка.

В гостиной наступила тишина, которую прервала служанка. Дверь в гостиную тихо открылась, на пороге замерла Параша. Лицо ее было бледным, а глаза от волнения расширены.

—Барышня... — голос служанки дрогнул. — Пожаловать изволит... князь Воронцов. В прихожей дожидается. Говорит, по неотложному делу.

Воронцов? Здесь. Сейчас. Мы хорошо расстались. Он ехал с нами в карете до Веретьево, а после пересел на своего коня и отправился в Мироград, успев мне шепнуть, что все наши договоренности в силе. Я немного растерялась. Не ожидала так скоро его увидеть.

—Прошу прощения, Лили. Мне необходимо...

Я не договорила, переведя взгляд с Параша на подружку. И все. Слова застряли в горле, когда я увидела... Все ее снисходительное участие испарилось в мгновение. Она плотно сжала губы, а в широко открытых глазах плескалась зависть. Такая откровенная, такая неприкрытая, что стало почти страшно. Лилия смотрела не на меня, а как будто сквозь стены — на того, кто ждал в прихожей.

Князь. Титул. Связь с высшим светом, о котором она так мечтала, сейчас находилась в моем доме. А она пророчила мне «местного купца». Мгновение спустя Лилия тут же опустила ресницы, и на лице снова расцвела сладкая, но теперь я уже знала, лживая улыбка.

—Конечно, Алиса, не смею задерживать! — защебетала подружка, вскакивая и хватая с моих колен журнал. — У меня и самой дела. Мы же теперь обе такие занятые.

Она выпорхнула из гостиной, лишь на прощание бросив еще один жадный взгляд в сторону прихожей. Я осталась сидеть, слушая, как в ушах стучит кровь. Приторный запах духов Лилии висел в воздухе, смешиваясь с моим волнением от встречи с князем и горьким осадком от увиденного.

«Зависть — плохой советчик, Лили, — прошептала я мысленно, оправляя складки платья. Сделав глубокий вдох, чтобы унять дрожь в руках, я кивнула Параше.

—Проси князя.

Служанка поклонилась и выбежала из гостиной. Я же смотрела ей вслед и вспоминала утреннюю беседу с Михаилом, когда заметила заплаканное лицо Параша. На мой вопрос, что случилось, служанка криво улыбнулась.

—Ничего серьезного, барышня. Упала, сильно ударилась. Уже все прошло.

Я не поверила. И спросила о служанке Михаила.

—Странная она стала последнее время, Алиса Арсеньевна. Я тоже заметил, — тихо поведал слуга, стоя перед столом в папином кабинете. — Особенно странно ведет себя после того, как с новым молочником поговорит.

Вот как. Очень интересно.

— Как-то недавно я решил сам его встретить. Хотел как лучше сделать, а Параша чуть ли не в истерику впала. Мол, это моя работа, — и сама побежала молочника встречать. А вернулась вся бледная. Лица на ней не было.

—Мог он ее обидеть? — нахмурилась я. — Надо бы выяснить, откуда этот новый молочник взялся.

—Вот я про то же подумал. Сегодня и займусь.

Дверь гостиной распахнулась, выдергивая меня из размышлений. Я поднялась, ощущая проклятое волнение, когда в комнату вошел Воронцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.